

ПРАВО И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА МЭНЦЗЯНА<sup>1</sup>© 2016 г. Павел Николаевич Дудин<sup>2</sup>

В статье дается характеристика правовой системы государства Мэнцзян, которое в 1930–1940 гг. претендовало на лидерство в мире монголоязычных народов. В контексте правового развития империи Цин в начале XX в. освещается процесс рецепции европейского права и японских правовых традиций, сформировавшихся в так называемую систему “шести законов”. Выявляется объективная закономерность значительной идентичности основного нормативного материала оккупированных территорий нормативному материалу Китайской Республики. Раскрывается содержание государственной политики в области нормотворчества и характеризуются основные отрасли права Мэнцзяна, включая предпринимательское, гражданское, гражданско-процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право, правовой массив в области организации и осуществления государственной службы. Предпринята попытка дать объяснение тому, что ни оккупационным силам японской армии, ни самим властям Мэнцзяна в итоге так и не удалось создать полноценной правовой системы. Сам Мэнцзян был образован при участии командования Квантунской армии и рассматривался японской стороной как плацдарм для нападения на СССР. В этой связи иллюзии монгольской политической элиты в отношении того, что ей удастся добиться независимости от Китайской Республики, быстро исчезли. Японцы использовали право в качестве дополнительного инструмента управляемости и подконтрольности оккупированных территорий, умело выстраивая правовые конструкции. Учитывая тот факт, что правовые системы Японии и Китайской Республики были во многом схожими, они, соответственно, были схожи и с системой оккупированных территорий, что обеспечивало быстрое восприятие вводимых правовых норм населением и их исполнение. Поскольку Япония рассматривала Северо-Восточный Китай как экономический придаток, значительный упор делался на правовое регулирование экономических отношений. Вместе с тем, создав достаточно прочную основу новой паназиатской империи, Япония на занятых ею территориях проводила политику полноценного государственностроительства, включая и формирование собственных правовых систем. И лишь проигрыш во Второй мировой войне не позволил ей и занятым ею территориям создать полноценные государственные и правовые институты.

The article describes the legal system of Mengjiang which in 1930s and 1940s laid claim to leadership in the world of Mongolian peoples. In the context of the legal development of the Qing Empire in the early twentieth century the process of reception of European law and the Japanese legal traditions formed in the so-called system “six laws” is highlighted. The objective regularity of core identity of the occupied territories’ normative material to the ones of the Republic of China is revealed. The content of the state policy in the field of law-making is disclosed and major industry rights of Mengjiang are characterized, including the business, civil procedure, criminal law, criminal procedure, criminal law enforcement, legal array in the design and implementation of public service. An attempt to give an explanation of the fact that neither the occupation forces of the Japanese army, nor by the authorities of Mengjiang eventually did not manage to create a full-fledged legal system is taken. Mengjiang itself was formed with the participation of the Kwantung Army Command and was treated by the Japanese side as a springboard for an attack on the USSR. In connection with this, the illusion of the Mongolian political elite with regard to the fact that it will be able to gain independence from the Republic of China, quickly disappeared. The Japanese used the law as an additional instrument of control and accountability of the occupied territories, skillfully building a legal structure. Taking into account the fact that the legal systems of Japan and the Republic of China were similar in many ways, they were respectively similar to the systems of the occupied territories and this fact provided a quick perception of the legal provisions by the populations and their execution. Since Japan considered Northeast China as an economic appendage, a significant emphasis was done on the legal regulation of economic relations. At the same time, creating a strong enough foundation for a new pan-Asian empire, Japan pursued a policy of full statehood construction in the occupied territories, including the formation of their own legal systems. And only the defeat in the World War II did not allow Japan and its areas to create a full-fledged state and legal institutions.

**Ключевые слова:** правовая система, закон, Мэнцзян, Внутренняя Монголия, заимствование.

**Key words:** legal system, law, Mengjiang, Inner Mongolia, borrowing.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научно-исследовательского проекта (Квазигосударства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение), проект № МК-6398.2016.6.

The study was performed with financial support of Council for grants of President of the Russian Federation in the framework of a research project (Quasi-Inner Asia: the problem of statehood in the context of the struggle of Nations for self-determination), project № МК-6398.2016.6.

<sup>2</sup> Заведующий кафедрой “Теория и история государства и права. Конституционное право” юридического факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат политических наук (E-mail: dudin2pavel@gmail.com).

Pavel Dudin, head of the Department “Theory and History of State and Law. Constitutional law” the Faculty of Law of the East-Siberian State University and Technology and Management, candidate of political science (E-mail: dudin2pavel@gmail.com).

На современном этапе для отечественного правоведения возникает потребность в крупномасштабных исследованиях особенностей правовых систем ведущих стран мира, с которыми взаимодействует Россия, и прежде всего это касается Китая: экономический и военный партнер, государство с многовековой историей дипломатических отношений, на приграничном пространстве которого в XX в. происходили бурные процессы государственностроительства. В ряде случаев это сопровождалось формированием собственной правовой системы или отдельных правовых институтов. Для успешного существования и развития обеих стран сегодня необходимо иметь верное представление об их государственном и правовом развитии, включая и один из самых драматических периодов истории Китая – период японской оккупации, когда северо-восточные провинции были превращены в экономический придаток Японии, а в границах занятого пространства создавались государственноподобные образования, служащие эффективным инструментом освоения ресурсов и природных богатств. Другим инструментом служило право, которое японские оккупационные силы использовали для легитимации этих процессов. С одной стороны, эффективная политика в сочетании с умелым использованием правовых инструментов позволили Японии осуществить задуманное: законы, с помощью которых осуществлялась налоговая политика, обеспечили бесперебойное поступление финансовых средств в бюджеты созданных политических образований, а нормативные правовые акты, с помощью которых регулировались экономические процессы, позволили обеспечить оккупантов шерстью, продуктами питания, полезными ископаемыми, необходимыми для создания оружия. С другой – оставшаяся часть общественных отношений, также подвергавшаяся правовому регулированию, попадала под действие норм, заимствованных из правовой системы Китая и плохо адаптированных к новым реалиям. Однако попытка создать обособленную правовую систему в провозглашившем независимость государственноподобном образовании, создаваемом под эгидой монгольской политической элиты – потомков Чингисхана, являла собой не единственный случай государственностроительства. Перед нами – один из многих подобных примеров, наравне с Внешней Монголией ставший позднее МНР, Маньчжурией, ставшей в это же время Маньчжоу-Го, а также несколько менее известных территорий Внутренней Азии, вписывающихся в общий тренд суверенизации, пришедшийся на 1920–1930 гг. Исходя из этого, цель настоящей статьи – в анализе права и

ключевых нормативных правовых актов государственноподобного образования Мэнцзяна, а также в попытке посредством описания основных отраслей права дать характеристику его правовой системы.

Материалов, посвященных изучению и описанию процессов становления государственности у монгольских народов, достаточно, но работ, изучающих предметно право и правовую систему Мэнцзяна и Внутренней Монголии, практически нет. Отдельную категорию источников составляют воспоминания участников тех событий. Зарубежная печать выпускает материал, автором которого является ближайший сторонник одного из идеологов движения за независимость Дэ Вана по Алашаньской кампании – Сэцэн Захчид (Сэцэнбат, кит. имя – Юй Баохэн), опубликовавший материал на английском, японском, а позднее – и на китайском языках<sup>3</sup>. Авторы, последовательно и предметно работающие с материалом по Мэнцзяну: Цзинь Хай<sup>4</sup>, Ци Цзяньминь<sup>5</sup>, Дин Сяоцзэ<sup>6</sup>, Баоинь Чаокэт<sup>7</sup> и др. Важно отметить, что и тогда, и сейчас данной проблематикой занимались преимущественно либо университеты Внутренней Монголии, либо центральные учреждения Пекина, Тяньцзиня и некоторых других крупных научных центров.

В череде современных ученых следует выделить Сун Цунье, который в своих работах<sup>8</sup>, используя

<sup>3</sup> См.: *Sechin J.* Prince Gungshangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization, Zentralasiatische Studien, 1979; *Hyer P., Sechin J.* A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu. SUNY Press, 1983; Захчид Сэцэн. Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии. Токио, 1985 (переизд. в 2005 г. в Китае); *Sechin J.* The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966. Bellingham, Washington, 1999.

<sup>4</sup> См.: *Цзинь Хай и др.* Политическая власть в Мэнцзяне. Собрание комментариев к новой истории Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1986.

<sup>5</sup> См.: *Ци Цзяньминь.* Участие японских вооруженных сил в создании Мэнцзяна. Научные исследования сопротивления японским захватчикам (2002).

<sup>6</sup> См.: *Дин Сяоцзэ.* Так называемый “отец-основатель” Мэнцзяна – псевдорегим Мэнцзяна и глава корпуса японских советников Каниа Акирацуги // Журнал социальных исследований. 2011. № 3.

<sup>7</sup> См.: *Баоинь Чаокэт.* Политика контроля псевдорегима Мэнцзяна в отношении ресурсов: исследование государственной политики в области животноводства // Журнал Университета Внутренней Монголии (Гуманитарные и социальные науки). 2001. № 5.

<sup>8</sup> См.: *Сун Цунье.* Японская политика в Мэнцзяне по управлению торговлей // Исторический сб. 2008. № 3; *Его же.* Особенности правовой системы псевдорегима в Мэнцзяне // Иньшан: академ. журнал (Социальные науки). 2010. № 23 (5); *Его же.* Предварительные исследования уголовно-процессуального законодательства псевдорегима в Мэнцзяне // Журнал Университета Внутренней Монголии (Гуманитарные и социальные науки). 2010. № 2.

значительный объем архивного материала, статистических данных, приводя сведения, содержащиеся в монгольской и китайской прессе 1930–1940 гг., подробно раскрывает вопросы права и правового регулирования общественных отношений в Мэнцзяне, преимущественно касающихся экономики и торговли.

Зарубежная литература этого периода выходит под грифом ведущих мировых учебных центров: Оксфорда, Кембриджа, токийских университетов, куда некоторое время назад устремился поток эмигрантов из Внутренней Монголии. В своих трудах У. Бизли<sup>9</sup>, П. Кобл<sup>10</sup>, Э. Мойз<sup>11</sup>, С.К.М. Пэйн<sup>12</sup>, М. Элиот<sup>13</sup> Цинь Юянь<sup>14</sup> и др.<sup>15</sup> не изучают именно Мэнцзян – в большинстве книг он упоминается при описании событий на Севере Китая или во Внутренней Монголии на фоне японской оккупации. Тем не менее даже этот мизерный объем материала позволяет дополнить имеющиеся данные.

Экономическую сторону монгольских событий в ходе общего исследования опиумного рынка в Китае изучают Т. Брук и Б.Т. Вакабаяши<sup>16</sup>. В работе использован материал японских архивов, опубликованный в 1970–1980 гг., контекстно освещается нормативная база оборота опиума на Севере страны, создаваемая оккупационными силами.

Среди трудов монгольских авторов можно отметить работу Д. Зоригта “Дэ Ван”<sup>17</sup>, где автор использует значительный объем архивных данных, материалов СМИ, фотографий и других источников, однако не проводит глубокого анализа

изучаемых событий, в результате чего книга представляет биографический, но не политический и тем более не геополитический интерес.

Вне зависимости от возросшего объема научного материала, который освещает события во Внутренней Монголии в первой половине XX в., комплексных работ собственно по Мэнцзяну, его правовой системе, развитию государственности и попыток получения государственного суверенитета до настоящего времени нет. Представленные труды имеют иной предмет изучения, фрагментарны и зачастую конъюнктурны, что говорит о необходимости изучения этого вопроса.

## I

С середины XIX в. китайское право начинает процесс рецепции по отношению к японскому и европейскому континентальному (преимущественно французскому, немецкому, бельгийскому, голландскому и швейцарскому) праву. Традиционные правовые институты и конструкции постепенно уступают место романо-германской системе, которая преобразила отрасли и публичного, и частного права.

Действовавшая в Китае этого периода правовая система именовалась системой “Шести законов”, названная так в силу доминирующего положения и приоритетности таких отраслей права, как конституционное, гражданское, гражданское процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное и административное право (включая административный процесс). К этому следует добавить, что имелась схожесть значительного массива правового материала с правовой системой Японии того периода, где также доминировали шесть правовых отраслей, однако вместо административного ведущее место было за коммерческим правом, что нашло свое отражение в правовой системе Мэнцзяна, которая под воздействием японской стороны претерпела существенные изменения в этом направлении.

Исторически выделение этой группы отраслей китайского права связано с законодательной реформой, которая на рубеже XIX–XX в. была осуществлена на исходе эпохи Цин. В Китае с 1901 г. была осуществлена крупномасштабная реформа действующего законодательства, многие нормативные правовые акты были полностью обновлены. Уже в 1907 г. была проделана грандиозная работа по переводу действующего японского законодательства, охватившая более 3000 нормативных правовых актов на уровне законов, постановлений высших органов государственной власти и др. Помимо упомянутых отраслей во внимание

<sup>9</sup> См.: *Beasley W.G.* Japanese imperialism 1894–1945. Oxford, 1987.

<sup>10</sup> См.: *Coble P.M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937. Cambridge, London, 1991.

<sup>11</sup> См.: *Moise E.E.* Modern China: A History. London and New York, 1986.

<sup>12</sup> См.: *Paine S.C.M.* The Wars for Asia, 1911–1949. Cambridge, 2012.

<sup>13</sup> См.: *Elliott M.C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 59. No 3. Aug. 2000.

<sup>14</sup> См.: *Цинь Юянь.* Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. Изд. 2-е. Токио, 2005.

<sup>15</sup> См.: *Black C.E., Dupree L., West E.E., Naby E.* The Modernization of Inner Asia. N.Y., 1991; *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. *Twentieth-Century China* 25 (2): 75–113. April 2000; *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945. Nordic Institute of Asian Studies monograph series. Routledge, 2003.

<sup>16</sup> См.: *Brook T.; Wakabayashi B.T.* Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952. University of California Press, 2000.

<sup>17</sup> См.: *Зоригт Д.* Дэ Ван. Улаанбатаар, 2011.



китайских юристов и переводчиков попали акты, касающиеся государственного управления, регулирования финансовой сферы, правоохранительной деятельности, вопросов здравоохранения, функционирования уголовно-исполнительной системы и т.д., всего 16 томов.

Очередной этап развития китайского права связан с приходом к власти Гоминьдана, когда на вооружение нового законодательства было взято не только японское, но и европейское право. Ознакомление, перевод и рецепция французских Гражданского, Гражданско-процессуального, Уголовного, Уголовно-процессуального и Трудового кодексов в совокупности с Конституцией в качестве основного закона страны в соответствии с имеющейся в китайском праве традицией получили название вторых “Шести законов”, которые, в свою очередь, были переведены на японский язык и вдохнули в Стране восходящего солнца новую жизнь в действующее законодательство.

В дополнение к традиционным “Шести законам” (где административное право вошло в гражданско-правовой блок, а коммерческое право было выделено в отдельную отрасль) получило развитие международное право. Нормы административного права были дополнены блоком норм, регулирующих подзаконную деятельность таких органов государственной власти, как Президент Китайской Республики.

Таким образом, правовая система Китая в первой трети XX в. находилась в стадии интенсивного развития и рецепции европейского и японского права, что играло на пользу стране.

Стоит отметить, что значительную роль во внедрении правовых норм и институтов Европы и Японии сыграли правотворческая практика и практика применения европейской правовой доктрины Верховным судом Китайской Республики, который в рамках своих решений пытался адаптировать законодательство цинского Китая к современным ему правовым и политическим реалиям. В тех случаях, когда судебные решения носили принципиальный или резонансный характер, Верховный суд объяснял необходимость их принятия наличием существенных пробелов действующего законодательства и невозможностью регулирования данных общественных отношений с помощью норм обычного права.

Среди первых базовых нормативных правовых актов было Уголовное уложение 1912 г. Претерпев ряд серьезных изменений, связанных как с отказом от многих правовых институтов, характерных для цинского Китая, так и с возвращением

их в текст закона, Уголовное уложение 1912 г. (с 1928 г. — Уголовный кодекс Китайской Республики) пережило все перипетии политической борьбы и было отменено лишь по прошествии определенного времени. Кодекс отличался точностью и четкостью норм и дефиниций и характеризовался как один из прогрессивных нормативных правовых актов.

Отрасли частного права были не так мобильны в новых условиях и в этом плане продолжали сохранять правовую традицию, заложенную Дацин люйли. Принятия единого закона в сфере гражданско-правовых отношений не было до конца 20-х годов. Вместе с тем был утвержден ряд важных нормативных правовых актов, имевших форму уставов и регулировавших общественные отношения в горнодобывающей (Горнопромышленный устав 1914 г.) и лесной промышленности (Лесной устав 1915 г.).

Проект Гражданского кодекса Китайской Республики был подготовлен к концу 1925 г. Однако его принятие затягивалось вплоть до 1929–1930 гг., когда была окончательно утверждена основная часть его норм, и вступил в силу он в мае 1931 г. Кодекс был ориентирован на аналогичные акты Японии и Германии, однако уступал им по объему (охвату) и регулированию общественных отношений, по наличию и разнообразию правовых институтов и выглядел более упрощенным, в ряде случаев содержал прямые отсылки к нормам обычного права, которые могли противоречить закону<sup>18</sup>. Несмотря на падение династии Цин республиканский Китай не стал пренебрегать имеющимся правовым полем, но продолжал его развивать, дополнять и совершенствовать. Учитывался и международный опыт: Уголовный кодекс Китайской Республики 1935 г. и следовавший за ним Гражданский кодекс соответствовали международному уровню и восприняли главные теоретические и практические достижения юридической науки.

В дальнейшем были разработаны и вступили в силу законы и положения, регулировавшие земельные и трудовые отношения, торговую и предпринимательскую, биржевую и банковскую, страховую и патентную, нотариальную и медиативную (в первую очередь в области трудовых отношений) деятельность, отношения в области банкротства, товарных знаков и ценных бумаг.

Помимо сложности в адаптации европейских и японских норм и институтов имелись и другие

<sup>18</sup> См.: Гражданский кодекс Китайской Республики. М., 1948. С. 243–310.



трудности, в частности фактическая раздробленность Китая, в отдельных провинциях которого местные правительства принимали собственное законодательство. Кроме того, провозгласившая независимость Китайская Советская Республика и оккупированные японцами северо-восточные территории также формировали собственную правовую базу и не попадали под юрисдикцию гоминьдановского законодательства.

## II

Изучая право и правовую систему Китая времен японской оккупации, нельзя не упомянуть о современном отношении КНР к этому процессу, которое выражается в позиции “Налайчжуи” и дословно означает привнесенные (чуждые, навязанные) идеи в праве. Толчком послужила статья Лу Синя, опубликованная в “Чайна таймс” и “Чайна дэйли ньюс” с целью противостоять так называемой “тотальной вестернизации” и отрицанию культурной традиции Китая, в том числе и в праве. И сегодня отношение к правовым системам оккупированных японцами территорий остается по-прежнему однозначно и безапелляционно негативным.

Одновременно с образованием монгольской автономии возник вопрос о правовом обеспечении регулирования общественных отношений жителей Внутренней Монголии. В связи с этим правотворческая работа велась быстро и эффективно. Зарубежные средства массовой информации уже в октябре 1933 г. сообщали о начале работы в этом направлении<sup>19</sup>, а в следующем месяце констатировали наличие основного законодательного материала<sup>20</sup>.

За весь период существования Мэнцзяна было принято 686<sup>21</sup> нормативных правовых актов с юридической силой закона. Среди них наиболее важные: “О слиянии Чанани, Цзиньбэя с Мэнцзяном в качестве правопреемника этих государств”; “О формировании аймаков”; “О порядке издания официальных документов”; “О порядке издания официальных документов в аймаках”; “О порядке внесения изменений в официальные документы и нормативные акты”; “О преимуществах финансовой системы и денежного обращения”; “О налогах и порядке их перерасчета”; “О применении

административного законодательства и административных взысканий” и др.

Были разработаны нормативные акты в отношении бюджетной системы, нормативных актов и официальных документов, исходящих от министерств и ведомств, органов власти на местах и т.д.

28 февраля 1939 г., незадолго до слияния Чанани, Цзиньбэя и Мэнцзяна, Объединенный совет аймаков Внутренней Монголии публикует программный документ “Временные меры по разработке и принятию законодательства”, в котором говорится о том, что законодательство бывшей Китайской Республики будет действовать в части, не противоречащей монгольским общенациональным законодательным актам, которые при этом имеют равную юридическую силу.

После слияния и образования Объединенного автономного правительства Мэнцзяна был принят Основной закон страны — “Временный Органический закон Объединенного автономного правительства Мэнцзяна”, в котором говорилось о том, что отныне законы Китайской Республики, не соответствующие духу и цели нового государства, не подлежат применению на его территории<sup>22</sup>. В дальнейшем подобные тенденции коснулись таких отраслей, как гражданское, уголовное, гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное право, а также нескольких других крупных институтов отдельных отраслей.

“Временный Органический закон Объединенного автономного правительства Мэнцзяна” сформулировал программные установки государственной политики: “Объединенное автономное правительство Мэнцзяна стремится к укреплению восточных традиций и морального духа, национального единства с целью обеспечения благоденствия народа и социального благополучия”<sup>23</sup>. В качестве приоритетов государственной политики были выбраны: 1) стремление к единению и гармонии всех наций и народов, населяющих страну; 2) защита нового социального строя, обеспечение мира и защита народного благополучия; 3) создание союза с дружественными государствами для взаимовыгодного сотрудничества и достижения единой цели по установлению нового порядка и возрождению обновленной Азии.

<sup>19</sup> См.: Self-rule sought by Inner Mongolia // The New York Times. Oct. 16, 1933. P. 1.

<sup>20</sup> См.: Negotiations aid Mongol Autonomy // The New York Times. Nov. 6, 1933. P. 13.

<sup>21</sup> См.: Сун Цунье. Особенности правовой системы псевдорежима в Мэнцзяне.

<sup>22</sup> См.: Обзор собрания монгольского законодательства. Сб. документов Управления по делам аймаков Автономного монгольского объединенного правительства “Обзор собрания монгольского законодательства”. Т. 1 (Положения основных законов). Чжанцзякоу, 1940. С. 8.

<sup>23</sup> Там же. С. 6.

“Временный Органический закон” содержал нормы, регулировавшие правовое положение главы государства и высших органов государственной власти, определял правовое положение граждан и закреплял ряд других вопросов. Вместе с тем, разработанный в условиях острого дефицита времени и под влиянием японских военных, он так и не стал действительно главным законом страны – основные механизмы воздействия на общественные отношения были заложены в отраслевом законодательстве.

### III

Анализ нормативной базы в отношении отраслей частного права свидетельствует о том, что основной законодательный массив, равно как и большинство правовых конструкций, был точной копией китайского права. В первую очередь это касалось самого гражданского права, полностью копированного из права Китайской Республики.

Законодательство в области предпринимательской и коммерческой деятельности на первоначальном этапе состояло из 75 законов, из которых 10 были разработаны новым режимом и касаются вопросов государственной регистрации юридических лиц и порядка ведения коммерческой деятельности. Предмет регулирования этих актов позволяет сделать вывод о тех приоритетах, которые отдавались государством в этом направлении: постановка на учет и контроль за деятельностью коммерческих организаций, которые приносили доход в бюджет страны. Остальные 65 актов в достаточно полной мере регулировали оставшийся круг вопросов, но в силу того, что все ресурсы оккупированных территорий были направлены на обеспечение боеготовности японской военной машины, развитие законодательства в этом направлении шло наиболее интенсивными темпами. Уголь, руда и другие полезные ископаемые, сельскохозяйственная продукция, скот, иные объекты материального мира попадали под строгий правовой контроль, а их служение японским интересам обеспечивалось помимо силы в том числе правовыми механизмами. С этой целью в 1939–1943 гг. был разработан комплекс специальных законов: “О солевой добыче”, “О горнорудной промышленности”, “О контроле за торговлей”, “О контроле за материальными ресурсами”, “О ценовом контроле” и ряд других законов, позволявших обеспечивать японские интересы в указанных отраслях экономики.

Согласно Приказу № 6 Министерства внутренних дел и Приказу № 3 Министерства финансов были установлены “Правила культивирования и производства мака”, которые утвердили фактическую государственную монополию на выращивание этого растения, а доходы от его разведения, переработки и реализации составляли значительную часть государственного бюджета. Закон № 11 “О производстве соды” 1941 г. монополизировал эту отрасль экономики. Приказ № 2 Министерства внутренних дел определил “Правила выдачи разрешений и организации труда”, установил комиссионные отчисления в государственный бюджет. Приказ № 6, определявший “Санитарные правила”, был использован в качестве инструмента по вытеснению китайских участников кооперативов и торговых сообществ.

Аналогичным образом действовали власти г. Чжанцзякоу, установившие “Порядок взимания комиссионного сбора при реализации санитарных требований”, определявший не только сумму сбора, но и штрафные санкции. Таким образом, экономика не только попадала под строгий контроль, но и регулировалась посредством правовых механизмов, таких как Закон “О контроле над торговлей” от 10 октября 1939 г., Закон “О контроле над товарами” от 20 октября 1939 г., Закон “О контроле над ценообразованием” от 20 ноября 1939 г. и др.

Гражданский процесс регулировался 13 актами, 11 из которых были заимствованы у Китайской Республики, а два состояли из регламента порядка ежемесячного ведения таблиц со статистическими данными по административным и гражданским делам и регламента порядка ежемесячного ведения таблиц со статистическими данными по уголовным делам (с наличием гражданского иска).

В сфере публичного права административное право включало в себя шесть документов, четыре из которых были заимствованы из китайской правовой системы, а два акта были приняты действующим режимом: а) Закон о порядке обжалования (апелляции) и б) Административно-процессуальный кодекс.

Уголовное право содержало 36 документов, из которых семь были разработаны властями Мэнцзяна и касались порядка наложения наказаний в случае неисполнения приказа или иного административного распоряжения, повторного рассмотрения (пересмотра) уголовного дела, помилования и амнистии. Один закон был заимствован со времен правления династии Цин и касался правового положения иностранцев. Остальные же

28 законов, касавшихся уголовного права и уголовного процесса, заимствовались из законодательной базы Китая.

Вместе с тем уголовно-процессуальное право Мэнцзяна сохранило правовые традиции и конструкции Китайской Республики<sup>24</sup>, включая и профильное законодательство, дополнив и изменив его формально в целях модернизации уголовно-процессуальной системы. На самом же деле осуществленные преобразования имели целью закрепить японское влияние в регионе посредством правовых механизмов<sup>25</sup>. Однако китайские законы не в полной мере отвечали японским интересам, в связи с чем в 1940 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Мэнцзяна. Схожесть текстов монгольского и китайского кодексов касалась процедурных и содержательных вопросов. УПК Мэнцзяна формально представлял собой новый нормативный правовой акт, но многие его положения были заимствованием китайских норм<sup>26</sup>, и по-прежнему между двумя нормативными актами оставалось много общего. Поскольку китайское законодательство в отдельных положениях не отвечало японским интересам, в новых нормативных актах оно существенно преобразовывалось, предполагая, например, замену одной формулировки другой.

Уголовно-исполнительное право Мэнцзяна включало 27 законов, восемь из которых принимались новым режимом и включали реестры лиц, содержащихся в тюрьмах и освободившихся из тюрем; поименный список лиц, находившихся под наблюдением (надзором, в заключении); базу данных характеристик освобождающихся лиц; реестр лиц, находящихся под стражей, в отношении которых нет решения суда, а также виды тюремных работ и правила их организации, распорядок дня заключенных, поощрение и порядок расчета заработной платы работников тюрем, регламент их должностных обязанностей и др. Остальные 19 нормативных правовых актов были заимствованы у Китайской Республики.

Особую группу нормативного материала составляли законы, регулирующие правовое положение отдельных категорий граждан, осуществляющих

государственную военную или гражданскую службу. Во-первых, это касалось организации судебной и правоохранительной системы. Законодательный массив включал 33 акта, из которых девять законов были разработаны и приняты после отделения от Китая, включая временные законы “О прокуратуре”, “О формировании местных (территориальных) и высших судебных органов”, “О статусе судей” и др. Характерной особенностью этих актов было явное смешение прокурорских и судебных функций. При этом оставшиеся 24 акта, в том числе Закон “О судебной системе”, были заимствованы из китайского законодательства.

С 1939 по 1943 г. принимаются 68 важных документов, касающихся вопросов несения государственной гражданской службы<sup>27</sup>. Принятые в 1939–1943 гг. 19 нормативных правовых актов касались знаков отличия, униформы и других внешних атрибутов государственного служащего. Разработанные и утвержденные 17 нормативных правовых актов регулировали вопросы документооборота, статистики и опросов по различным направлениям. 57 нормативных актов, принятых в период с 1940 по 1943 г., регулировали общественные отношения в сфере гражданского управления (учебные вопросы, трудовые и религиозные отношения и т.д.), ведомственные в основной своей части Министерству внутренних дел.

Вопросы правового регулирования отношений с участием военнослужащих полностью заимствовались из китайских и были представлены двумя нормативными правовыми актами: “Уголовный кодекс вооруженных сил” и “Порядок осуществления правосудия в отношении военнослужащих”.

Таким образом, незначительный объем правового материала в законодательном массиве Мэнцзяна был представлен собственными документами. В среднем на 76% это были документы, заимствованные у Китайской Республики. В первую очередь это касалось норм частноправовых отраслей. В отношении публично-правовых отраслей нормотворческие органы проявляли определенную самостоятельность, но публично-правовые сферы общественной жизни регулировались точно и фрагментарно.

#### IV

Причины, по которым правовая система Мэнцзяна заимствовала основной законодательный массив из правовой системы Китайской Респуб-

<sup>24</sup> См.: там же. С. 8.

<sup>25</sup> Дин Сяоцзэ. Избр. материалы об истории открытия общественных школ и Обществе японской дружбы // Журнал Университета Внутренней Монголии (Гуманитарные и социальные науки). 2007. № 5.

<sup>26</sup> Сун Цунье. Предварительные исследования уголовно-процессуального законодательства псевдорежима в Мэнцзяне; Цай Хуньюань. Интеграция республиканского законодательства. Ч. 65. Хэфэй, 1999. С. 293.

<sup>27</sup> См.: Дудин П.Н. Государственная гражданская служба в Мэнцзяне и ее правовое регулирование // Право. 2014. № 4. С. 179–192.



лики, кроются прежде всего в том, что период полноценного существования нового политического образования, появившегося на карте, не насчитывал и десяти лет, отсутствовали крупные специалисты-юристы — теоретики и практики, опыт и деятельность которых могли бы быть использованы при создании собственного нормативного материала, в связи с чем Мэнцзян не мог конкурировать в этом аспекте с Китаем, тем более что правовые конструкции и механизмы были во многом универсальными. Так что придумать, изобрести что-то новое, более совершенное и кардинально отличающееся от имеющегося было крайне затруднительно. Ситуация усугублялась тем, что Мэнцзян на протяжении всей своей истории вел постоянные военные действия с соседними территориями, поэтому крупномасштабные законодательные преобразования были невозможны.

Учитывая, что система “Шести законов” была схожей с японской, Китай помимо французской модели правового регулирования также использовал японскую, что было крайне выгодно в период оккупации, поскольку вторгшимся силам для налаживания процесса управляемости захваченными территориями не приходилось “изобретать велосипеда”.

Японские оккупационные силы не позволяли правовой системе на оккупированных территориях развиваться самостоятельно. Сам же Мэнцзян также не получил окончательной независимости, на что рассчитывали монгольские князья, рассматривая японцев в качестве союзников. А после прихода к власти Ван Цзинвэя в 1940 г. иллюзия самостоятельности улетучилась окончательно.

Нельзя упускать из вида также того факта, что практически каждый орган государственной власти Мэнцзяна был наделен правотворческими функциями в своей сфере общественных отношений и одновременно с этим был “обременен” японскими советниками, которые, безусловно, контролировали правотворческий процесс.

Основной целью законодательства при японском господстве было не урегулирование отноше-

ний между лицами, а обеспечение поступления экономических и финансовых ресурсов региона японской стороне, в связи с чем упор делался на хозяйственное (коммерческое) и административное право.

С целью повышения боеготовности и боеспособности был разработан ряд законов в административной сфере. Для повышения управляемости подконтрольными территориями было создано Управление по делам монгольских знамен, Министерство внутренних дел и Министерство общественной безопасности были слиты в единую структуру, равно как и Министерство промышленности и Министерство экономики были объединены для того, чтобы обеспечить единообразие и управляемость стратегическими ресурсами.

\* \* \*

Подводя итог, нужно отметить, что правительство Китая предпринимало комплекс мер, чтобы реализовать главную цель любой правовой системы — сделать правовые нормы максимально эффективными в вопросе регулирования общественных отношений. В этом смысле европейское право рассматривалось как более прогрессивное. Соответственно, посредством адаптации его норм считалось, что Китай получит надлежащие возможности для полноценного участия в международных отношениях наравне с европейскими государствами. Японское вторжение помешало этим планам. Оккупационные силы не были заинтересованы в развитии права. Для них право было лишь инструментом для поддержания собственного влияния и военной силы, которым они умело пользовались.

После поражения Японии во Второй мировой войне действующее законодательство оккупированных территорий было отменено, а в феврале 1949 г. с созданием Китайской Народной Республики ЦК Коммунистической партии Китая издал постановление и об отмене системы “Шести законов”. Начинается новый этап развития китайского права в рамках социалистической правовой семьи.